

Печерские подвижники благочестия: традиция жива

В этом году исполняется 550 лет со дня основания Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. У обители интересная история, братия живет насыщенной жизнью, ведет обширную миссионерскую деятельность. Но когда мы говорим о Печорах, первым делом вспоминаем старцев, которые испокон веков жили в этом монастыре и прославили его. О старцах Печор — наших современниках, о том, какими они были, рассказали игумен Хрисанф (Липилин) и иеромонах Прохор (Андрейчук), долгие годы жившие рядом с ними.

— Псково-Печерская обитель — единственный в нашей стране монастырь, где не прерывалась традиция старчества. Как зародилось и что способствовало укреплению и сохранению старчества на Псковской земле?

Иеромонах Прохор: Исторические и географические условия благоприятствовали формированию в нашей святой обители такого феномена, как старчество. Если обратиться к истории, монастырь основал преподобный Марк, ученик преподобного Евфросина Псковского, одного из великих подвижников благочестия. Этот святой не только уединился в пустыни, но и взрастил целую плеяду учеников, которые прошли по всей Псковской земле и просветили ее светом Евангелия. Преподобный Евфросин готовил монахов-миссионеров, которые из обители шли в те места, где процветало язычество. Монастырь с самого начала существования был в некоторой степени миссионерским. Связанная с этим традиция сохранялась и при преподобномученике Корнилии, когда во время Русско-ливонской войны на вновь присоединенных к русскому государству территориях за счет монастыря строились и снабжались необходимыми богослужебными книгами и утварью храмы. И те люди, которые проживали рядом с монастырем, или обращавшиеся в монастырь за помощью в нелегкие дни войны, были крещены преподобномучеником Корнилием. Недалеко от обители до сих пор существует поселение Сигова, где проживает народность сету (малый прибалтийско-финский народ), предков которых крестил этот псково-печерский игумен. Каждый год на престольный праздник монастыря — Успение Пресвятой Богородицы — сету приходят в национальных костюмах, они с глубоким почтением относятся к своему просветителю.

В XIX веке здесь подвизался преподобный Лазарь Прозорливый, известный своей строгой подвижнической жизнью.

Расцвет старчества в Печорах пришелся на XX век. В начале столетия в монастыре жил иеросхимонах Феодосий, который встречал в обители 5 августа (ст. ст.) 1903 года царя Николая II и царицу Александру Федоровну. Позже в обитель пришли архимандрит Мефодий (Холмский), преподобный Симеон Псково-Печерский, схиархимандрит Агапий (Агапов).

По Промыслу Божию обитель создавалась преподобными на самой границе, которая проходила между Россией и Ливонией (территории современных Латвии, Эстонии и Литвы). В 1920 году часть приграничной территории, в том числе и Псково-Печерский монастырь, отошли к Эстонии по мирному Тартускому договору, что спасло его от закрытия. Развитие международных отношений по результатам заключения пакта Молотова — Риббентропа в 1939 году привело к тому, что Эстония была в 1940 году присоединена к СССР, и монастырь оказался на советской земле. Многих старцев привлек наш наместник архимандрит Алипий (Воронов). Он был участником Великой Отечественной войны и собрал вокруг себя монахов — бывших фронтовиков: отца Паисия, отца Иеронима, иеродиакона Анатолия, отца Нафанаила.

*Игумен Хрисанф
(Липилин)*

Позже пришли отец Иоанн (Крестьянкин) и отец Адриан (Кирсанов).

Игумен Хрисанф: Как говорил отец Феофан (Молявко), который прибыл к нам иеродиаконном из Нило-Столобенской пустыни: «Печерский монастырь “испортили” ссыльные. Когда я приехал сюда в 1954 году, была такая тихая обитель, народу мало».

Иеромонах Прохор: Ссыльные — это схиигумен Савва, архимандрит Иоанн, архимандрит Адриан. С их появлением тихий монастырь превратился в бурлящий людской поток и остается таковым до сих пор.

Игумен Хрисанф: Освободившимся из лагерей советская власть запрещала проживание в центральных областях России. Отец Иоанн (Крестьянкин) за двенадцать лет своего служения поменял двенадцать приходо в Рязанской области, и в итоге его направили в Печоры. Он прибыл в монастырь в 1967 году. А отец Адриан — в 1975-м.

Иеромонах Прохор: Поводом для ссылки отца Адриана стала история, связанная с отчит-

ками, которыми он занимался в Троице-Сергиевой лавре. Эта история описана в книге наместника монастыря владыки Тихона «Несвятые святые». Когда одна из высокопоставленных советских чиновниц оказалась на отчитках у отца Адриана, выяснилось, что она одержима. Чтобы преодолеть эту духовную болезнь, она стала приезжать в Лавру, исповедоваться, причащаться, и приступы перестали повторяться. Она воцерковилась и не скрывала этого от своих коллег. Разразился скандал, и пришло распоряжение от властей убрать отца Адриана из Лавры. Наместник вынужден был подчиниться, и игумена Адриана отправили в Печерский монастырь.

Старчество зарождается только в тепличных условиях. А какие условия были в XX веке? Жесточайшие гонения на Церковь, Великая Отечественная война и, наконец, духовный вакуум, который возник после революции.

Игумен Хрисанф: Святые отцы называют монашествующих оранжерейными растениями, и это правильно, потому что для суще-

ствования монашества нужны определенные условия. В советское время эти условия были особенно необходимы, потому что людям, пережившим и войны, и гонения, и репрессии, требовалось не душевное, а духовное утешение. И в таких местах, как у нас, в советской глуши находились люди, которые терпели многие лишения, но приобретали святоотеческий опыт и приводили людей к Богу.

— Чем отличаются старцы от опытных священников?

Игумен Хрисанф: По учению Церкви, старцы — это те люди, которые от себя ничего не говорят. Страдания и скорби, через которые Господь провел их в жизни, приучили их верить Богу. Старцы проходили через непостижимые испытания. Достаточно вспомнить один эпизод из жизни отца Иоанна (Крестьянкина), когда во время следствия ему устроили очную ставку со священником, написавшим на него донос. Следователь надеялся, что эта встреча станет потрясением для Ивана Михайловича Крестьянкина и выведет его из душевного равновесия. А отец Иоанн встал, обнял этого священника, своего собрата, и сказал ему: «Я знаю, почему ты так сделал: у тебя семья, и ты не мог по-другому поступить. И у тебя свой путь, а у меня свой». Это слова человека, осененного Божиим

присутствием. Смирение старцев было христоподражательно.

Старцы все были разные и по темпераменту, и по манере говорить. У отца Адриана речь была простая, деревенская. А у отца Иоанна — изысканная. Отец Иоанн написал кандидатскую диссертацию о преподобном Серафиме Саровском, но ему не дали ее защитить. Отец Адриан не получил образования, был кузнецом в горячем цехе на заводе ЗИЛ. Архимандрит Феодосий (Коротков) был архитектором, заслуженным человеком. А схииеродиакон Андроник (Шаруда) ловил шпионов в Маньчжурии.

Всех их объединяют страдания, которые укрепили их доверие ко Христу, сделали слово каждого из них совершенно безошибочным. На своем опыте мы убедились в единстве происхождения их слов и слов Евангелия — у них один Источник. И то, что тебе открывалось при изучении Священного Писания, те же самые смыслы ты слышал от старцев. Как это у них получалось? Я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. При отце Адриане я пробыл со второго своего дня в монастыре до его преставления в 2018 году. Я был его келейником. Он скончался у меня на руках. И таким же был отец Иоанн. Когда возникал тот или

Иеромонах Прохор (Андрейчук) (слева)

Иеромонах Прохор в Псково-Печерской семинарии (справа)

Братия поздравляет отца Иоанна (Крестьянкина) с именинами. На переднем плане отец Иоанн и иеромонах Прохор. 2004 г.

иной вопрос, отец Адриан говорил: «Ты иди к Ивану, а я помолюсь». Их кельи находились через две двери. Моей задачей в тот момент было пройти эти двери, не встретив никого и не останавливаясь ни на какой разговор. И если я сразу приходил к отцу Иоанну, то результат был двести процентов, когда один старец молился, а другой тоже молился, но еще и говорил...

— *То есть они были как сообщающиеся сосуды?*

Игумен Хрисанф: Совершенно верное сравнение. Если знать, что люди не договариваются друг с другом, а их слово исчерпывающее, то осознаешь, что связь не напрямую, не линейная, а через «верх» осуществляется.

Иеромонах Прохор: Иногда даже не требовалось никаких слов. У тебя тяжело на душе, приходишь к старцу, рядом посидишь, не задавая никаких вопросов, и чувствуешь, как легче становится. Они на своей плоти несли немощи наши.

У меня вообще не было никаких проблем, я жил как в раю. Я пришел в Печоры чуть

позже отца Хрисанфа, в 1995 году. В стране происходил переход к рыночной экономике, разгул криминала. И я думал, что это и есть жизнь, другой жизни не видел. И вот приехал сюда. Мне показали отца Иоанна, я подошел к нему под благословение, посмотрел ему в глаза и увидел в них любовь, любовь Христову. Как человек мог любить всех, кто приходил к нему, знакомых и незнакомых?! Эта любовь и согревала, и одухотворяла, и притягивала.

Почему я пришел в монастырь? Призвание, да. Я пришел и увидел таких людей и понял, что Истина здесь. Помните, что сказали ученики Христовы, когда многие соблазнились и ушли от Господа? На вопрос Спасителя, *не хотите ли и вы отойти* (Ин. 6, 67), апостол Петр ответил: *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6, 68).

Так и старцы были маяками в этом безумном бушующем житейском море.

Игумен Хрисанф: Отец Прохор сказал правильные слова, что со старцами можно было и не общаться вербально. Я вспоми-

наю отца Серафима (Розенберга), который 62 года прожил в обители, с 1932 по 1994 год. Последние годы большую часть времени он лежал. Во время всенощной приходишь его помазывать, и он тихо говорит только одно слово — «помажьте». Время пребывания в келье в этот момент исчислялось буквально несколькими минутами. Но мое состояние до входа в келью могло быть разным, а через минуту я выходил всегда с одинаковым внутренним ощущением: что-то произошло, от чего я потом мог сутки улыбаться. Что стяжал отец Серафим?

— *Во многих воспоминаниях о старцах пишут, что их главная отличительная черта — это жизнь не для себя, а для других.*

Игумен Хрисанф: Согласен. Их христоподражательность в этом и заключалась. Христос ради Себя не позволял Себе жить. Если для других и для себя, то это похоже на работу. А служение — это круглосуточное созидательное действие. Служение старцев было исчерпывающе самоотверженным. Мы все удивлялись, где они силы берут.

Иеромонах Прохор: У отца Феофана (Молявко) дверь в келью не закрывалась ни днем ни ночью. В любое время суток можно было прийти к нему со своими проблемами. И мало кто интересовался, а отдохнул ли священник, поел ли он. Часто можно было увидеть у него на столе тарелку с нетронутыми завтраком, обедом и ужином. У него не было времени даже на еду, потому что люди к нему шли непрерывным потоком. И он никого не торопил, давал человеку возможность выговориться и терпеливо выслушивал, а затем уже подробно отвечал.

Игумен Хрисанф: То, о чем говорит отец Прохор, называется духовной культурой, которая заключается в том, что человек ни в ответах на вопросы, ни в простом обращении не может позволить себе оскорбить Духа Божия, живущего в другом человеке. Образ Божий в человеке может быть запачкан, затерт или ярко заметен, но это не влияет на отношение старца к нему.

— *Эта духовная культура формируется не образованием, а чем?*

Игумен Хрисанф: Подвигом. Насыщенность Божиим присутствием требует соответствующую

Схиеродиакон Андроник (Шаруда) (слева), за его спиной стоит игумен Мефодий (Сидоров), архимандрит Адриан (Кирсанов) (в центре), игумен Хрисанф (Липилин) (справа)

*Келья отца Иоанна
(Крестьянкина)*

щего подвига, то есть определенного усилия по сохранению этого дара. Это усилие и называется подвигом.

Настоящие подвижники охраняют свой труд от лишних глаз. В старцах сложно было заметить что-то необычное. Мы с отцом Прохором говорим о своем личном опыте общения со старцами, что они нам показали, что нам позволено было вместить. Людям со стороны этого не было видно. Ведь вам тоже это интересно. Потому что о старцах уже много написано, но постичь, прикоснуться можно только в личном контакте.

— Всегда ли присутствуют страдания, в том числе и физические, в жизни будущего старца?

Игумен Хрисанф: Даже знакомясь с Евангелием, многие люди не становятся христианами. Душа человека понимает, что его жизнь, будь он христианином, станет подобна земной жизни Христа, то есть трудной, тяжелой. И заканчивается она по-человечески плохо. Христа бросили же все. Я сейчас не говорю о нескольких людях

у Его Креста. Иначе было бы совсем тяжело. И Он взывает: *Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф. 27, 46). Испытание одиночеством в воспитании упования на Бога, в воспитании веры неизбежно, как и страдания. Посредством страданий человек привыкает к заботе Бога о себе, к промышлению о себе. Страдания выжигают в человеке страсти, он становится способным делать дело Божие.

— Старцы мирян и монахов по-разному воспринимали? Было различие, кто с мирянами говорит, а кто с монахами?

Игумен Хрисанф: Нет. Бог же один. Мы уже говорили, что есть очень опытные священники, и в жизни они опора для многих людей. Одни окормляют мирян, другие монашествующих. А старцы — для всех, как и Христос для всех. Они от себя ничего не говорят, и в этом их отличие от опытных священников, как мы уже отмечали. При абсолютном уважении к опытным священникам, никто не говорит, что вот это старец, а это просто священник. Как у апостола Павла: *Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»* (1 Кор. 12, 21). Мы все — Тело Христова и часть от целого, у нас нет соперничества.

Да, страдания всех влекут к совершенству. Но есть люди, у которых другой, уникальный путь. И таких людей немного.

— Можно сказать, что отец Адриан, отошедший ко Господу в 2018 году, был последним пещерским старцем?

Иеромонах Прохор: Не соглашусь. Хотя отец Иоанн никогда себя не называл старцем. Да и никто из них так себя не называл. Отец Иоанн говорил, что старцы в пещерах лежат, а мы старички. Сказать, что сейчас старцев нет, я не могу. Апостол Павел говорил: *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе* (1 Кор. 15, 41). Мы не будем сравнивать, кто из старцев больше светил, кто меньше. Это были Богом помазанные люди. И у нас в монастыре сегодня такие есть. Недавно к нам приезжал один чиновник с духовными вопросами и хотел пообщаться со старцем. Да, великих старцев сейчас у нас нет, но есть их ученик, и мы проводили этого человека к нему в келью. Он вернулся после этого общения потрясенный: «Не понимаю, что произошло. У меня были подготовлены вопросы. Я вошел в келью, сел на стульчик, рта не успел открыть,

как по порядку получил ответы на все вопросы. Сказал, как у вас принято: благословите. Он благословил, и я ушел».

Игумен Хрисанф: Продолжая тему прозорливости, присущую старцам, хочу признаться, что мне было довольно сложно разговаривать с отцом Иоанном. От него исходили физически осязаемые волны, и они мне «мешали». Я забывал обо всем, с чем к нему приходил. И было только одно желание — остаться у него в келье. *Хорошо нам здесь быть* (Мф. 17, 4) — ощущение, как будто ты находишься на горе Фавор.

Со мной тоже не раз бывало, что отец Иоанн и отец Адриан говорили о том, с чем я пришел, не задавая мне вопросов. Помню, в самом начале я нес послушание на клиросе и ходил петь на позднюю Литургию, да еще на раннюю приходил, чтобы попеть с одним диаконом, с которым у нас сложились дружеские отношения. И вот как-то утром иду из Никольского в Успенский храм и чувствую, что у меня ноги побаливают. В тот же день вечером прихожу к отцу Адриану, и он мне сразу говорит: «Ты на две Литургии не ходи, а то ноги болеть будут». И я его по-детски спрашиваю: «А откуда вы знаете?» И вот мы — малый и старый (отец Адриан был старше меня на 49 лет) — стоим в монашеской келье и хочем. Я смеюсь оттого, что мне хорошо, а отец Адриан наверняка смеялся (что для него было большой редкостью) от моей непосредственности и детской наивности.

Свою «прозрачность» и перед отцом Иоанном, и особенно перед отцом Адрианом я ощущал все годы общения с ними. Мне иногда страшновато было заходить к отцу Адриану. Думал, сейчас он мне все изложит. И ведь так оно и бывало. И мы были к этому готовы. Ради Христа и ради своего спасения. Пренебрегать этой своей «прозрачностью», открытостью и предсказуемостью я не собирался. Мне это было нужно. Если это был грех, я в нем каялся, если какой-то недостаток, то исправлял его. И хотя было страшновато, но смело шагал...

— **Вы оба преподаете в Псково-Печерской семинарии пастырский опыт печерских старцев. Что главное вы хотите донести до семинаристов?**

Иеромонах Прохор: Что они пастыри, а не наемные работники.

Игумен Хрисанф: Да, заложить базу — верность Христу, близкую той, что была у старцев, — одна из важных наших задач. И что они пастыри, а значит, опора уже сейчас для тех людей, которых они еще не знают, но которые к ним придут. Но если они выберут тебя опорой, на чем будешь стоять ты? Обучить постоянству и устойчивости — вот наша задача.

Иеромонах Прохор: Нам с отцом Хрисанфом легче, мы старцев видели, в какой-то мере приобщились к их опыту — пастырскому, старческому. А эти молодые люди приходят из мира, и хочется их тоже познакомить с этим источником живой воды. Старцы были хирургами человеческих душ. И те инструменты, которыми они пользовались, надо переложить в эти молодые руки. Нельзя научить святости, но рассказать о примерах служения старцев мы можем. Невидимое присутствие старцев и сегодня чувствуется. Келья отца Иоанна открыта для всех. И туда не иссякает поток людей.

Беседовала Елена АЛЕКСЕЕВА
Печоры — Москва

*Епитрахиль,
поручи и крест
отца Иоанна
(Крестьянкина)
(на фото слева)*